

# Рисовать лагерь

Язык травмы в памяти японских  
военнопленных о СССР

Эльза-Баир Гучинова



Slavic-Eurasian Research Center

Hokkaido University

Sapporo, 2016

Copyright © 2016 Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University

Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809 Japan

Tel: (+81)-11-706-2388

Fax: (+81)-11-706-4952

URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/>

E-mail: [src@slav.hokudai.ac.jp](mailto:src@slav.hokudai.ac.jp)

First Published in 2016

Publisher: Shinichiro Tabata

Author: Elza-Bair Guchinova

Рисовать лагерь : язык травмы в памяти японских военнопленных

о СССР / Эльза-Байр Гучинова

Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University,

2016. - p. ; 21cm.

ISBN 978-4-938637-87-3

1. World War, 1939-1945 -- Russia (Federation) -- Prisoners and Prisons, Japanese 2. World War, 1939-1945 -- Conscript labor -- Russia (Federation) 3. Prisoners of war -- Russia (Federation) -- Pictorial Works 4. Prisoners of war -- Psychology

I. Guchinova, Ё.-В.

Printed in Japan

# Рисовать лагерь

## Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР

Summary .....	v
Благодарности .....	viii
Кюзо Като. Книга о лагерной жизни .....	x
Андрей Головнев. Иероглифы плена .....	xi
<b>Введение. Память о лагере, визуальность и язык травмы .....</b>	<b>1</b>
1. Плен в социальной памяти японского и российского общества .....	1
2. Цели, источники и научные подходы исследования .....	12
3. Сибирь в биографиях художников плена .....	21
<b>Глава 1. Образы лагеря.....</b>	<b>29</b>
1. Чужбина — зима, холод, солнце .....	30
2. Лагерь, ограда, вышка .....	33
3. Барак, котелок, ложка .....	37
4. Карцер, одиночество.....	39
<b>Глава 2. Работа и досуг.....</b>	<b>41</b>
1. Лесоповал .....	45
2. Строительные работы.....	47
3. Каменоломни и шахты .....	49
4. Сельскохозяйственные работы .....	50
5. Досуг .....	50
<b>Глава 3. Голод и еда.....</b>	<b>57</b>
1. Пайка.....	57
2. Пищевое поведение .....	62
3. Кризисная еда.....	70
<b>Глава 4. Стратегии выживания .....</b>	<b>77</b>
1. Смекалка и планы побега.....	78
2. Черный рынок .....	80
3. Вера, молитва .....	81
4. Япония за пазухой.....	82
5. Любование красотой.....	84
6. Гадание и амулеты .....	86
<b>Глава 5. Индоктринация.....</b>	<b>89</b>
1. Политико-воспитательная работа .....	89
2. «Нихон синбун» и агитационная фотография .....	99

<b>Глава 6. Лагерное письмо .....</b>	<b>105</b>
1. Письма благодарности.....	105
2. Поднадзорный рисунок.....	115
3. Письма домой.....	120
4. Лагерная катакана.....	122
<b>Глава 7. Человеческие отношения .....</b>	<b>127</b>
1. Внутри японского сообщества .....	127
2. Советские солдаты: хороший и плохой .....	136
3. Местное население: женщины и дети .....	140
<b>Глава 8. Маскулинность и утрата субъектности.....</b>	<b>151</b>
1. Тело и телесность .....	151
2. Болезни .....	155
3. Одежда и солдатские ботинки .....	160
<b>Глава 9. Значимые сюжеты .....</b>	<b>165</b>
1. Мародерство .....	165
2. Медосмотр.....	167
3. Поверка .....	172
4. Дележ хлеба.....	174
5. Блохи, вши и клопы .....	175
6. Нечистоты.....	178
7. Самокалечение, инвалидность .....	182
8. Самоубийства, смерть, трупы.....	184
<b>Глава 10. Приемы языка травмы .....</b>	<b>193</b>
1. Снижение статуса .....	193
2. Обнажение.....	198
3. Инфантилизация .....	198
4. Деперсонализация .....	200
<b>Заключение. Рисунки по памяти .....</b>	<b>205</b>
<b>Список сокращений.....</b>	<b>208</b>
<b>Иллюстрации .....</b>	<b>208</b>
<b>Словарь японских выражений.....</b>	<b>212</b>
<b>Библиография.....</b>	<b>213</b>

## SUMMARY

This monograph is devoted to the way traumatic experience is reflected in drawings and creates the language of trauma. My analysis concerns the drawings of former Japanese POWs—whether professional or amateur artists—who drew their Soviet camp experience after returning home: Yasuo Kazuki, Shin Miyazaki, Kieshi Sato, Tsuyoshi Hisanaga, Yoshio Uetsuhara, Nobuo Kiuchi, Isamu Yoshida, Kinse Takeuchi, Morinari Ouchi and Yoshio Watanabe.

The visual meta-text created by former POWs after they were repatriated, and the comments on it, can be considered historical evidence as it contains all the symbols of the camp, the world order and important relations within it.

The drawings reflect life and the artists' points of view. A person who is not free cannot draw the things he wants the way he wants. Artists imprisoned in a camp used to receive materials for their creativity—paper, cardboard, raw cotton fabrics in red and earth colours. At the same time, they would receive a daily task—to draw something which the camp administration needed within a given time-frame. For this purpose, camp artists were supposed not only to have skills and be able to draw; they were expected to draw ideologically correct things, *to «draw» Bolshevik*, meaning that they were supposed to know their way around the visual language of the Soviet regime.

Can you be creative if you are not the one who chooses the theme of your painting? If you are limited in your creative methods and expected to convey an ideological message? The drawing as a creative method supposes that a person is free, and freedom is something the POWs did not have. Prisoners-of-war cannot draw: they perform tasks, and their drawings become a product.

The depersonalization of POWs makes it harder for an artist to achieve self-fulfilment. The camp drawing is an expression of the ideas which the camp administration “sends you as a task.” These drawings become tools for visual propaganda. So the censored camp drawing serves the respective ideological aims, while the post-camp drawing serves the aims of testifying, becoming an essentially reliable documentary source rather than a propaganda snapshot.

The post-camp drawing also becomes art, irrespective of its level of its professionalism. It reflects the artist's feelings and conveys his pain, shame, sorrow and other emotions. It reflects its author's message and allows various interpretations. POWs were unable to draw in Siberia, but ex-POWs turned out to be excellent artists. They had a lot to tell the world about what a man feels behind a wire fence, about the hard task of keeping one's dignity when starving, about the importance of the cloth worn under one's boots, and about how trees should be felled so that no one gets mutilated.

The POWs' memory reflects all plots usual for a man's memory. The stories and drawings of ex-POWs helped them find their place in this cruel world, although in a modest, low-profile, Japanese sort of way, without bragging. The absence of moralizing in these Siberian memoirs is worthy of note.

The Japanese POWs' memoirs also reflect feelings of shame—for their dirty clothes, shabby appearance and inability to help the others—that have been torturing them for many years. One might say Who would blame a POW for looking shabby?, but the depth of this shame affected them for decades, until it poured out in their drawings and words on paper.

If a sense of purgatory were attributed to army service, then Soviet camp became a purgatory and the ultimate expression of the nationalized collective body. And this body

was at the entire disposal of the Motherland (the Emperor) of any other authorized power.

Drawing a traumatic experience has become one of the most successful therapies for dealing with trauma. Japanese society provided its citizens with basic skills in self-expression through drawings and writing—starting with drawing lessons at elementary school. The ability to use a brush, pen or pencil to describe one's daily life was acquired at an early age, helping former POWs in the extreme situation when they had to deal with their trauma.

Verbally recording memories is also helpful, but drawing the traumatic experience is usually the most non-traumatic form of self-therapy.

The language of trauma can be seen in the memoirs about the camps. Immediately after repatriation, trauma expressed itself in silence and the impossibility in finding of words. Later it became impossible to convey experiences verbally. Finally, drawings came into the picture—it is easier to draw than to talk, and the drawings required comments. Also, camp reality had been so far removed from everyday Japanese life that all those who made drawings of camp life had to add their comments so they could be understood in their own environment.

In both verbal and visual accounts, trauma was expressed by comparing the POWs with sectors of the population discriminated against on account of their sex and age (women and children) or ethnic background (Chinese and Koreans), with groups which are historically subalterns (slaves, barge-haulers), and with animals and death symbols. In the language of trauma it is also common to turn to the most traumatic plots that keep the most humiliating and dangerous conditions in one's memory. The language of trauma also uses nakedness as a tool for reducing a person's status and, especially, methods of visual depersonalization which, in one way or another, had something to do with all POWs in the camp.

A person who depicts himself as a prisoner-of-war leaves his negative emotions (feelings of humiliation, weakness) on paper, thus leaving this weakened person, humiliated by captivity, with no past rights. By distancing himself from the camp experience, and transferring this into imagery as in shaman practise, a person becomes more and more liberated from his traumatic experiences with each drawing.

In their drawings about Siberia, the Japanese not only distanced themselves from camp life but depicted themselves with ruthless sincerity, sometimes ironically, in a brutal confession. This irony shows us a classic post-colonial subject already freed from the repressed identity of a captured *little Japanese guy*, and depicting its subjectivity from camp times, as some kind of a parody. Parody in the memoirs, as a sign of distance from the POW image, became a sign of leaving the trauma behind.

The post-camp drawings proved to be not only tools and methods of therapy, but also historic documents—evidence of life in a totalitarian institution about which most documents either deliberately twist reality, or need deconstructing to make sense of. So post-camp drawings now serve as convincing documentation and our most reliable source of knowledge about these institutions.

Their drawings and memoirs about their years in Soviet camps have helped former POWs distance themselves from the traumatized POWs they once were, look through the prism of time at this harsh experience, and see the years of captivity in a positive retrospective light. As a result of the camp authorities' policy of depersonalization, POWs' creativity diminished with each drawing—as a former POW in his personal story, in his drawing and his vision of the experience has been summarizing this tough life period and claiming his individual style.

Мне на плечи кидается век-волкодав,  
Но не волк я по крови своей:  
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав  
Жаркой шубы сибирских степей...

Осип Мандельштам

Не хуже, не лучше других —  
Равноценна моя строка.  
Потому, что это не стих:  
Иероглиф и знак векам.  
Потому, что это не боль —  
Сгусток истории в нас.

Нина Гаген-Торн

Нарисовать — значит осмыслить.

Такеси Кайко

## БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга писалась долго, и я смогла ее закончить благодаря помощи, которая выражалась всегда по-разному — помощи многих людей и организаций.

В первую очередь я хотела бы поблагодарить бывших японских военнопленных, с кем мне удалось встретиться и кто рассказывал мне о своем опыте жизни за колючей проволокой в СССР — это почетный профессор Национального Музея этнологии Кюзо Като, профессор права Исаму Фудзита, архитектор Киёси Сато, пенсионеры Нобуо Киути и Ивао Нисимура.

Моя глубокая благодарность:

— японским славистам, переведившим комментарии к картинам и рисункам художников, вместе с которыми мы переживали заново чужой лагерный опыт — проф. Коити Иноуэ и проф. Тэцуо Мотидзуки, д-рам Санами Такахаси, Куми Тагэока, Юкари Нагаяма и Цутому Цукада, а также д-ру Сиро Ханъя и д-ру Акира Сакурама;

— коллегам из Центра славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо, который славится не только замечательными библиотечными и архивными фондами, но и уникальной рабочей атмосферой, персонально — проф. Тэцуо Мотидзуки, проф. Томохико Уяма, проф. Дэвиду Вульффу, проф. Го Косино, чьи квалифицированные советы и сердечное отношение способствовали моей интенсивной работе, а также д-ру Юдзuru Тонаи и бесценному сотруднику Центра Мике Осуга за помощь в поиске книг и технической подготовке издания;

— художникам Нобуо Киути и Киёси Сато, любезно разрешившим использовать рисунки, размещенные на их личных сайтах;

— историкам сибирского плена — почетному профессору университета Сэйкэй Такэси Томита и профессору Иркутского университета С.И. Кузнецову за полезные советы и рецензии;

— архивистам: заместителю директора РГВА В.И. Коротаеву — за помощь в поисках необходимых в исследовании документов РГВА и д-ру Райнеру Мёллеру, директору архива KZ Gedanken Statte Noengamme, который не только помог увидеть рисунки бывших узников, но и предоставил возможность пожить некоторое время на территории лагеря, что дало незабываемое впечатление об июньских днях 2013 г. в пригородах Гамбурга;

— члену-корреспонденту Российской Академии наук проф. Сергею Арутюнову — за тщательно прочитанный черновик жарким летом 2014 г., за неравнодушные беседы и воспоминания о личных встречах с японскими пленными в послевоенном Тбилиси;

— проф. А.Н. Мещерякову, чьи труды и консультации мне существенно помогли в понимании специфики многих вопросов, связанных с культурой и историей эпохи Сёва;

— коллегам — д-ру Елене Здравомысловой, чл.-корр. Национальной Академии наук Армении Левону Абрамяну, д-ру Ирине Благодатских, которые консультировали, давали бесценные советы на разных этапах написания книги и выражали уверенность в ее необходимости;

— д-ру Цыпылме Дариевой (в 2009 г. Университет Цукуба), проф. Нобуо Симотомаи (Университет Хосей), д-ру Гаяне Шагоян (ИЭА НАН РА), проф. Сергею Абашину (ЕУ в СПб.) — за организацию моих семинаров по этой теме;



— особую благодарность Эде Абрамян за редакторскую работу, существенно улучшившую исходный текст, и проф. Георгию Левинтону, строгие комментарии и исправления которого стали уроком для меня в искусстве выбора точных выражений;

— Японскому фонду (JF) — за стипендию в Центре славистских и евразийских исследований Университета Хоккайдо в 2011–2012 гг., которая позволила собрать необходимый для исследования материал и в основном написать текст монографии;

— Японскому фонду поддержки ученых (JSPS) — за стипендию в 2015 г., которая позволила мне завершить работу над текстом и подготовить рукопись к печати;

— Фонду им. Александра фон Гумбольдта — за стипендию в июне 2013 г., которая помогла мне посетить Германию и «места памяти», связанные с концентрационными лагерями, что дало мне более глубокое понимание сущности лагеря как тотального института и знакомство с постлагерным искусством бывших заключенных;

— Моей семье за любовь и безусловную поддержку.

## КНИГА О ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

Семьдесят лет тому назад, в 1945 г., после окончания Второй мировой войны более шестисот тысяч японских солдат были отправлены в Сибирь и другие регионы СССР на принудительные работы. За эти годы в плену погибли больше шестидесяти тысяч японских граждан.

Пять лет я прожил в Сибири военнопленным и прошел больше десяти лагерей, расположенных, главным образом, в Иркутской области. В лагере я впервые встретился с русским языком, сам изучил его частично с помощью немецкого языка, который я знал до этого, и после возвращения в Японию стал заниматься историческими и археологическими исследованиями в Сибири и Средней Азии. После защиты докторской диссертации я переключил научные интересы на исследования в Средней Азии и до сих пор занимаюсь этим. Так же как у художников Ясуо Кадзуки и Сина Миязаки, мой жизненный путь тоже начинался в Сибири. Искренне думаю, что сибирское интернирование оказало на многих пленных японцев сложное и многостороннее влияние.

История «сибирских интернированных» живо передается из уст в уста, исследована специалистами и в Японии, и в России. Новая книга Эльзы-Баир Гучиновой тоже посвящена этой теме. Чтобы написать историю японских интернированных, она приезжала в Японию и работала в Центре славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо, изучала рисунки и воспоминания японских интернированных, собирала интервью у бывших военнопленных, сравнивала их опыты с опытами депортированных советских народов и жизнью советских заключенных.

Я бы обратил внимание на следующие отличительные черты этой работы: автор описывает подробные детали жизни пленников, в том числе еду, работу и досуг, сравнивает лагерь военнопленных с лагерями ГУЛАГа, уделяет внимание и творчеству японских художников, бывших военнопленных. Можно сказать, что это первая монография, где анализируется повседневная жизнь японских интернированных. В этом смысле она дополняет опубликованные исследования и в Японии, и в России. Несмотря на мой пятилетний лагерный опыт в Сибири, я сам узнал из этой книги для себя много нового.

Кюзо Като, почетный профессор Национального музея этнологии, Осака.

## ИЕРОГЛИФЫ ПЛЕНА

Остановись мгновенье, ты ужасно! Даже страх смерти на войне не так мучителен, как кошмар рабства в плену. Сибирский плен воинов Квантунской армии отягощался тем, что был не только потоком страданий отдельных людей, но и унижением великой нации, сложившей оружие по приказу своего императора. Для японцев, по традиции предпочитавших плену смерть, это было дно мучений.

Надо ли воскрешать состояние подавленности и бесчестия, которое неизбежно сопровождает плен? История любит триумфы победителей, а в книге Э.-Б. Гучиновой описывается горе побежденных. При этом автор не вытаскивает на свет чужие секреты, а лишь вторит мотивам самих пленников, которые, вернувшись на родину, не перечеркивают страницу позора, а обращаются к ней в воспоминаниях и рисунках. Что это — неотвязная боль, мазохистская тяга к самоистязаниям или нечто иное, выраженное в словах Нобуо Киути: «Нет, не зря всё это было, и русский лагерь... я так думаю»?

Японцы сдержанны в эмоциях, будь то высказывания или рисунки. Может быть, рисунок лучше слов передает скрытое чувство, и рисование служило своего рода катарсисом, перенесением психологической травмы на бумагу. Эпиграф из Такеси Кайко «нарисовать — значит осмыслить» перекликается с признанием Ясуо Казуки: «Я снова переживаю Сибирь, когда ее рисую». Трогательна история Сидзуо Ямасита, рисовавшего сцены Тайшетского лагеря через 25 лет после возвращения, во время ежедневных поездок на работу, ради «успокоения душ покойных».

В каком-то смысле плен сродни или хуже смерти — если не ад земной, то чистилище (автор использует обе метафоры). Однако есть у этой драмы еще одна грань: погружение в ад открывает нечто незаметное в благополучной обыденности — инобытие, в котором человек будто заново учится ходить, чувствовать, видеть, в том числе и себя самого: «Мы были как пустые раковины, без души»; но вместе с тем: «Лагерная жизнь обнаруживает суть человека, его подлинное лицо».

Тут начинается поле особого интереса для антрополога — запредельное состояние, иной мир наяву, человек наизнанку. Японцы в Сибири — не просто зомби, выучившие и превратившие в молитву русское слово «домой». Лишенные главных опор (восходящего солнца, родины, императора), они балансируют на грани жизни и смерти, но лишь немногие облегчают свою участь самоубийством или сумасшествием. Остальные учатся наматывать портянки, рубить деревья в лютые морозы, в голодном ознобе делить хлеб, ощущать в костре тепло матери, насыщаться во сне. Сон вообще оказывается тропой в мир свободы и удовольствий: «Каждый вечер с интересом ложусь спать, и мне часто снится, что хожу в гости к родственникам и кушаю много разной снеди».

Японец укрывается в коконе своих навыков и традиций, которые образуют защитную и одновременно адаптивную оболочку в условиях сибирского плена. Парадоксальные, на первый взгляд, соответствия позволяют ему ладить с лагерной дисциплиной благодаря муштре в японской армии, по-своему принять культ Сталина на основе культа микадо, отнестись к подневольному труду как к делу чести. За годы плена японец умудряется проникнуться симпатией к русским девушкам, «хорошим надзирателям», холодному звездному небу, а заодно уложить километры рельсов БАМа. На безжизненной почве появляются ростки достоинства и даже пре-

восходства. Можно представить, что испытал узник, услышав крики играющих детишек из соседнего с лагерем селения: «Когда я вырасту, я стану военнопленным».

Постепенное улучшение состояния и настроения японских пленных обычно связывают с восстановлением хозяйства и снабжения в послевоенном СССР. Однако заметно и другое — своего рода ояпонивание лагерей и их окрестностей, «оттепель» за колючей проволокой. Вряд ли с синдромом невольника связано, например, высказывание японского репатрианта: «Я не люблю СССР, но обожаю русских». Бывшие невольники надолго стали посредниками в общении Японии и СССР (России), а один из них, автор предыдущего предисловия, озаглавил свою книгу «Сибирь в сердце японца».

Память японцев, героев повествования, многоголоса и многоцветна: с одной стороны, в ней оживают унижительные сцены обыска, процедур дезинфекции, медосмотра с ощупыванием ягодиц; с другой — возникает послевкусие от поедания полыни и лягушек; с третьей — мелькают марши пленников под красным знаменем, лагерные спортивные состязания, благодарственные письма «генералиссимусу И.В. Сталину — лучшему другу японского народа». Книга полна переключек фактов и эмоций, народов и режимов, ГУЛАГа и ГУПВИ, советского зека и японского военнопленного. Читать ее надо на разные голоса.

Андрей Головнев, член-корреспондент Российской Академии наук